

умственныхъ и нравственныхъ силъ: раздаются всюду громкіе, досель неслышныя голоса, выражающіе совершенно новыя потребности и стремленія жизни. То были „часть“, „утро“ пробужденія Россіи, „эпоха общественнаго возрожденія“¹⁾, эпоха перехода отъ прежней ветшающей жизни къ новой, умирающаго „ветхаго человѣка“ русскаго и рожденія „новаго“²⁾.

Въ эту то бурную эпоху творческаго „усильнаго напряженія“ русскаго общества, проповѣдническое слово отважилось сбросить съ себя отчасти невольныя, отчасти вольныя оковы боязливой застычивости³⁾, „робости“⁴⁾ предъ живою общественною жизнью, особенно предъ всякимъ новымъ, необычнымъ, рѣзкимъ ея изгибомъ. Какъ бы „огонь“ почувствовали въ себѣ служители слова, огонь, непрерывно возжигающійся и „пожирающій душу“, чтобы вылетѣть изъ устъ въ ягучемъ словѣ“⁵⁾. Въ нихъ сознаніи возстали идеальныя образы „учителей народа и пророковъ“, которые „возвышенные надъ своимъ народомъ умомъ и духомъ были столь близки къ нему сердцемъ, что могли говорить, и говорили во всеуслышаніе, истину неослабую и нелицемерную“..., которые не страшились и не стыдились и не скрывали своего слова..., не знали странной застычивости, или лучше сказать жалкаго безцілія въ духѣ.., и чуждые міра въ стремленіяхъ собственной души, стоя на дивной высотѣ жизни духовной, не считали чуждыми себѣ, и ничто не смѣлъ отстранять отъ нихъ дѣла народа, истинно любимаго ими, и все потребности отечества; и которые отзывались на нихъ голосомъ живымъ, крѣпкимъ, полнымъ христіанской мудрости, строгости и любви“⁶⁾. До слуха церковныхъ вѣстий донеслося увлекаая, вдохновляя къ подражанію, древнее „слово, изъ вдохновенныхъ душъ, негоргавшее молніи и грома бури, чтобы пробуждать отъ духовнаго сна народы Палестины и Аравіи, Египта и Вавилона, Тира и Сидона .

1) Тамъ же.

2) Того же „Народное покаяніе“, Христ. Чтен. 1863 г. ч. I, стр. 199

3) Еп. Іоанна „Народное покаяніе“, стр. 200.

4) Еп. Іоанна „Общество и духовенство“, Правос. Собесѣд. 1859 г. ч. I, стр. 277.

5) Еп. Іоанна „Народное покаяніе“, бесѣда 3-я, стр. 206

6) Еп. Іоанна „Народное покаяніе“, бесѣда 1-я, стр. 200—201.

слово пророковъ, которымъ серафимы очищали уста горящими углями изъ горнила вышняго свѣта (Исаиѣ, 6, 6, 7): голосъ духа, въ которомъ прикосновеніе вышняго перста возрождало силу всепоражающую „да искоренить и разорить и расточить и разрушить, и паки да созидаетъ и насидитъ народы“ (Іер. 1, 10) ¹⁾ И служители слова изрекли тогда „горе“ всякому слабодушному, страху и чловѣкоугодливости въ словѣ, „Горе намъ, изрекли въ своемъ сердцѣ лучшіе представители проповѣдническаго слова, горе намъ, если тогда, какъ наше слово должно громомъ гремѣть надъ людьми, мы едва открываемъ уста свои, чтобы робкимъ голосомъ сказать общія мысли, никакой силы неимѣющія, и слова шклого некасающіяся и ничего невыражающія: если мы боимся сказать слово правды не только предъ какою нибудь силою земли, но и предъ всякою не силою, потому, что сознавая свою внѣшнюю зависимость, мы поставили себя и въ нравственную отъ міра зависимость, а забыли свое вышнее призваніе, свои долгъ предъ Богомъ и свои отношенія къ душамъ чловѣческимъ: или потому только, что стѣсняемся своимъ невысокимъ происхожденіемъ, или еще хуже—дорожимъ честию и счастьемъ міра сего: если первые и вышніе другихъ по сану и званію, мы на самомъ дѣлѣ стоимъ въ обществѣ послѣдними и шневыми всѣхъ, и тогда, какъ наше присутствіе и нашъ голосъ во имя Бога и истины Его, должны быть вездѣ, отъ высокихъ мѣстъ общества до послѣднихъ ступеней его, мы остаемся въ отчужденіи отъ него, по нашему равнодушію, по его невниманію или неуваженію, проходящему отъ нашихъ же дѣйствительныхъ недостатковъ“ ²⁾. Увы.. нѣтъ между нами пророка, который бы возсталъ и проповѣдывать голосомъ пророческимъ: и нѣтъ у насъ слова могучаго, которое поражаело бы народъ, и замираетъ невдохновенный голосъ, какъ звукъ металла. Но будемъ звучать, какъ металлы, если не можемъ лучше, прозвучимъ хоть какъ колокола, только бы не оставаться въ равнодушномъ безмолвіи среди вопиющихъ потребъ жизни народной: только бы насъ слышали ³⁾. Къ намъ „Церковъ

1) Еп. Іоанна „Народное покаяніе“, бесѣда 1-я, стр 198—199

2) Еп. Іоанна. Народное покаяніе. Бесѣда 4-я, стр 218—219

3) Еп. Іоанна. Народное покаяніе. Бесѣда 1-я, стр. 199.

преимущественно обращаетъ свои надежды, народъ—свои вопросы, общество—свои взоры, міръ—свои стрѣлы, а Богъ—Свои суды... Свѣта и теплоты, словомъ—огня, огня въ нашемъ ученіи, въ нашемъ духѣ, въ нашей жизни (Ис 38, 4 Рим 12, 11): вотъ что требуется отъ насъ”¹⁾. И вотъ, служители слова даютъ обѣтъ „свѣтить свѣтомъ Христовой истины, провозя ее въ народъ, въ ся живомъ, дѣйствешномъ духѣ, въ яркихъ и сильныхъ чертахъ Евангелія, а не въ однихъ общихъ словахъ отвѣченныхъ поученій, или въ неясныхъ, безжизненныхъ образахъ школьной науки... зорко слѣдить и свѣтомъ церковной идеи и науки освѣщать, не оставляя на произволъ міра, вопросы времени. Проповѣдническое слово не желаетъ болѣе подчиняться никакимъ чуждымъ рѣшеніямъ общественныхъ вопросовъ, не желаетъ довольствоваться задачей „предвѣденія“²⁾ эгихъ рѣшеній, оно смѣло и рѣшительно опускается въ самый водоворотъ общественной жизни и хочетъ быть здѣсь самостоятельной, независимой, руководящей, регулирующей силой.

Такая „усильное напряженіе“ мысли и сердца русскаго общества породило въ области проповѣдническаго творчества новый для Руси видъ проповѣдническаго слова—*публицистическій*³⁾.

Явились могучіе носители этого слова, краса и гордость исторіи русской проповѣди. Ихъ было цѣлое созвѣздіе. Въ центрѣ его горѣли несравненнымъ свѣтомъ три звѣзды первой величины, три архиепископа-вигиліи: Іоаннъ, еп. Смоленскій, Амвросій, архіеп. Харьковский и Никаноръ, архіеп. Херсонскій, а вокругъ нихъ свѣтили своимъ, каждая при особомъ отблнкѣ, свѣтомъ духовныя звѣзды значительно меньшей величины: протоіерей Н. А. Сергіевскій, протоіерей А. М. Ивановъ-Платоновъ, Григорій митроп. Петербургскій, Нарѣнскій архіеп. Иркутскій, еп. Хрисанфъ (Ретивцевъ), недавно почившій.

¹⁾ Еп. Іоанна. Рѣчь при нареченіи во епископа Христ. Чтен 1865 г. ч. I, стр. 65—66.

²⁾ Сравни. письмо м. Филарета архіеп. Тульскому Алексію о крестьянскомъ вопросѣ. Чепикъ. Митрополитъ Московскій Филаретъ, какъ говорить стр. 28 Пяевскъ 1884.

³⁾ О смыслѣ этого термина см. проф. Говорова „Основной принципъ церковной проповѣди“ Правосл. Соб., 1895 г. ч. III, стр. 373—382. Ср. проф. Пѣвницкаго „Красворѣчіе и его основныя законы“, стр. 757—780 Кіевъ 1906

по давно замолкшіи протопресвитеръ Янышевъ и друг. Даже проповѣдническіе таланты совершенно иной структуры, хотя и не меньшей величины, каковы знаменитыи Филаретъ, м. Московскій, Дмитрій, архіеп. херсонскій не могли устоять предъ силою живленыхъ факторовъ, вызвавшихъ къ бытію „публицистическое“ направление проповѣди и стали чаще и съплнѣе издавать лучи весьма близкіе и сродные свѣту центральной триады созвѣздія витій-публицистовъ.

Рядъ этихъ витій, какъ бы рядъ духовныхъ пѣстуновъ, окружають колыбель нарождающейся новой общественной жизни съ чувствомъ радости и боязливой заботы.

Съ восторгомъ они привѣтствовали благословіями Церкви самое рожденіе этой новой жизни во всѣхъ ея могучихъ здоровыхъ проявленіяхъ. „Приде часъ, восторженно возглашаетъ одинъ изъ ихъ въ новыи 1859 годъ, приде часъ Россіи. Она стремится къ возрожденію... Приде часъ! Можетъ ли не сочувствовать этому времени Церковь? О, Церковь должна и готова тысячу разъ повторять ударъ этого часа, во всѣ колокола, чтобы огласить всѣ концы и углы Россіи, чтобы пробудить всѣ чувства русской души и во имя христіанской истины и любви призвать всѣхъ сыновъ отечества къ участию и содѣйствию въ общемъ, великомъ дѣлѣ возрожденія. И свои есть побужденія для Церкви. Давно, давно сама Церковь, въ собственныхъ нѣдрахъ, страдаетъ скорбями рожденія, чувствуя слишкомъ сильно погребенность дать новую жизнь своимъ чадамъ духовнымъ”¹⁾. Но радуясь о рожденіи новой жизни, витіи полны тревоги и заботы. У колыбели новой Россіи они думаютъ великую думу. „Настоящее твое, Россія, говоритъ готъ же знаменитый витія, настоящее твое слишкомъ важно. Это, какъ сама ты понимаешь, дни твоего общественнаго возрожденія. ты переходилъ отъ прежней ветшающей жизни твоей къ новой: твоей ветхій человекъ готовъ умереть: въ тебѣ долженъ родиться новый. Такое переходное время, само по себѣ болѣзненное и тяжелое, можетъ стѣлаться опаснымъ, какъ скоро приметъ неправильное направленіе. Если ты вѣрно не сознаешь, въ чемъ именно это, изъ котораго ты должна возродиться и гдѣ добро въ которомъ должна обрѣтаться, еси

¹⁾ Еп. Іоаннъ. Прав. Соб., 1859 г., ч. I, стр. 256.

не видишь болѣзни въ себѣ тамъ, гдѣ она есть, еси думаешь безъ усгпеннаго духовнаго подвига внутри себя самой, дать себѣ новую жизнь: твое заблужденіе странно. Подъ внѣшнимъ видомъ возрожденія, ты можешь удержать въ себѣ па вѣки корни зла, или ты можешь придти къ худшему, вмѣсто лучшаго: ты можешь войти въ ложную жизнь— и испытать горькія послѣдствія. Только ясное, глубокое, полное и безпристрастное сознаніе всего, что есть въ тебѣ болѣзненнаго, худого, вреднаго, можетъ спасти тебя. Въ эти дни твоего небезопаснаго положенія мы, служители Бога, должны неустанно, непрестанно предстоить тебѣ, *какъ вышніе духи предстоитъ человеку* въ рѣшительные часы жизненной борьбы, съ громкимъ голосомъ истины и крикалями вѣры.. Не отвращайся отъ насъ съ недоумѣніемъ и горечью: мы не враждебные духи; мы слуги вышняго, обязанные говорить тебѣ правду, внушать добро и помогать твоему нравственному преуспѣванію“ 1)...

Витіи публицисты вступаютъ въ задушевную бесѣду „съ общественнымъ сознаніемъ, народной совѣстью“, въ бесѣду самую, интимную, какъ на „песовѣдн“ 2); они побуждаютъ „это сознаніе, эту совѣсть“ самихъ „взглядомъ безпристрастнымъ, мыслию свѣтлою, чувствомъ здравымъ прослѣдить народную жизнь“, побуждаютъ, „соутествуя имъ свѣтомъ христіанской истины, возбуждая ихъ вопросамъ, относящимся къ разнымъ предметамъ этой жизни, вызывая, во имя вышей, христіанской правды къ осужденію нравственныхъ народныхъ потребностей“ 3).—Но что бы церковные витіи ни говорили народной совѣсти, смыслъ ихъ рѣчей былъ всегда одинъ: „не думай, что цѣль вѣры (христіанской) есть только обезпеченіе человеку блаженства въ будущей жизни, и что обязанности религіозныя имѣютъ мало отношенія къ жизни настоящей“ Нѣтъ. „Вѣра назначена для облаженствованія **всего** нашего существованія, она создаетъ *существо и настоящей жизни* столько же, сколько блаженство будущей: она имѣетъ „обѣтованіе живаго настоящаго“, равно какъ и „гря-

1) Еп. Іоанна „Народное покаяніе“. Бесѣда 1-я, стр. 199—200

2) Тамъ же.

3) Тамъ же.

душаго“¹⁾; христіанское ученіе проникаетъ во всё ограспи и развѣвленія человѣческой жизни... въ немъ, по Писанію, обѣтованія не только будущаго блаженства, но и земнаго благополучія²⁾ Нѣтъ такого отдаленнаго уголка въ великомъ зданіи государства, куда бы не проникалъ свѣтъ религій: нѣтъ такой тонкой нити въ общественной жизни, которая бы не была прикрѣплена къ началамъ духовнымъ и нравственнымъ. Какъ въ видимомъ мірѣ всякое, даже самое малое существо, живетъ жизнью отъ Бога данною, такъ въ мірѣ человѣческомъ, или въ обществѣ, самое малое, но истинное добро происходитъ отъ правильной жизни духа, живущаго вѣрою и добромъ нравственнымъ³⁾. Сила нравственная составляетъ основаніе силы вещественной⁴⁾. Христіанская вѣра есть внутреннѣйшее начало жизни, назначенное къ постепенному пересозданію человѣчества, грѣхомъ нарушившаго цѣлость своей природы, такъ что въ одномъ человѣкѣ стало какъ бы два человѣка, враждебныхъ другъ другу, два закона, воюющіе одинъ съ другимъ, и несчастная двойственность горемъ и разрушеніемъ пронизала по многимъ тысячелѣтіямъ исторію человѣчества. Христіанская вѣра назначена къ пересозданію человѣчества на степень полнѣйшей цѣлости его богоподобной природы и его жизни, которой настоящее должно быть неразрывно соединено съ будущимъ. Христіанской вѣрѣ принадлежитъ обѣтованіе, „да во всемъ совершится будетъ человѣкъ“, ей принадлежитъ обѣтованіе и настоящей и будущей жизни. „Вѣрою слово и всякаго пріятія достойно“⁵⁾.

¹⁾ Прот. Н. Сергіевскаго „Слово о значеніи христіанства для общества и объ отношеніи общества къ христіанству“, 12 янв. 1860 г. Прав. Обзор т I, стр 70

²⁾ Проповѣди Амвросія, архіеп. Харьковскаго, Харьковъ, 1895 г., стр. 192.

³⁾ Того же. Полн. собраніе проповѣдей. Харьковъ, 1902, т. I, стр. 21

⁴⁾ Того же, т. IV, стр. 332

⁵⁾ Протоіерея Сергіевскаго. Вышецит. слово о значеніи христіанства для общества... стр 76. Характерно, что изъ тѣхъ же самыхъ принциповъ исходятъ и западная публицистическая проповѣдь того же времени „Гдѣ вы видѣли, говоритъ, на примѣръ, Берсье, гдѣ вы видѣли, чтобы христіанство учило насъ презирать или даже небрежно относиться къ землѣ и всему тому, что съ ней связано? Напротивъ, оно показываетъ намъ дѣйствовать на землѣ, правда, не отдаваясь ей всецѣло. Земля не есть и не можетъ быть цѣлью христіанина, но она театръ его дѣятельности.

Этимъ словомъ церковныя вѣтші встрѣчали каждое творческое движеніе къ жизни общественной, каждый шагъ къ реформѣ, этимъ словомъ бережно лелѣяли, оплодотворяли каждое творческое усиліе общества, и этимъ же словомъ ободряли въ періоды разочарованія, унадки энергіи общественныхъ силъ „Новое время, говоритъ церковный вѣтша въ одинъ изъ такихъ періодовъ (1865 г.), представило нашему обществу много новыхъ задачъ и вопросовъ для разрѣшенія вступающихъ въ жизнь поколѣтіймъ. При всей напряженной работѣ силъ общественныхъ, чувствуется недостатокъ въ силахъ для разрѣшенія этихъ широкихъ и слож-

то самое мѣсто, гдѣ готовится его вѣчная будущность. Презирать настоящую жизнь.. Но она первый актъ вѣчной жизни Христіане, что вы можете презирать на землѣ? Время? Но вы должны „искупать“ его. Природу? Но вы находите въ ней отпечатокъ Бога. Тѣло? Но вы должны уважать тѣло, какъ храмъ св. Духа Ваши способности? Но онѣ созданы для безконечнаго прогресса Это таланты, которые Богъ довѣрилъ вамъ. Связи семейныя? Но Богъ хочетъ, чтобы семья была такъ свята въ нашихъ глазахъ, что Онъ пріялъ самую чудную и самую трогательную форму для своего общенія съ нами Работу? Но это вашъ законъ. Прогрессъ? Но внѣ христіанскихъ націй онъ не существуетъ. Поднятіе духа бѣдныхъ и обиженныхъ? Но и служа ихъ дѣлу, Евангеліе объявляетъ, что вы служите Самому Христу. Поступки благородныя, возвышенныя, великодушныя? Но св. Павелъ спеціально говоритъ, что они должны составлять предметъ вашихъ мыслей Не говорите, что Евангеліе унычиваетъ настоящую жизнь; при его свѣтѣ только жизнь принимаетъ несравненное величіе Предполагаютъ, что если я гражданинъ небесъ, то я буду небрежно относиться къ землѣ. Зачѣмъ? Зачѣмъ противоположать эти двѣ жизни, которыя, по ученію св. Писанія, составляютъ только одну жизнь вѣчную, начинающуюся здѣсь, на землѣ, для того, чтобы расцвѣсти за покрываломъ Что же? Потому, что я вѣрю въ высшую побѣду справедливости и любви на возобновленной землѣ, я съ мевшимъ усиліемъ буду стремиться къ ней теперь?! Потому, что я вижу въ бѣдномъ, въ невольникѣ своего брата въ вѣчной славі, я здѣсь останусь хладнокровнымъ, видя его страдающимъ, презрѣннымъ..“ (Бесѣды, перев. протоіер. Мальцева, т IV, стр. 234—235 СПб. 1896 г.) О современной публицистической продовѣди на Западъ см Hering „Die Lehre von der Predigt. Beilin 1905 s 367—387 Также: Christus ist unser Friede Soziale Zeitpredigten und Betrachtungen, gesammelt und herausgegeben von Weber. 1 Sammlung über die soziale Aufgabe der Predigt in unserer Zeit Göttingen 1892. 2 Sammlung Mit einer Einleitung: Ueber Anwendung und Ausbreitung der Predigtgedanken anter der Kanzel — Monatschrift f Pastoraltheologie 1909 Oktober: Luhr Die Apol getik in der Predigt, ihr Recht, ihre Grenzen und ihre Methode

ныхъ задачъ Прошло то время фальшиваго, но успокоительнаго самообольщенія, когда мы съ гордостью говорили, что сила у насъ великое множество, только простора и дѣла намъ нѣтъ, и недостатокъ дѣла любви относить къ постороннимъ, независящимъ отъ насъ условіямъ. Прошло и то недавнее время восторженной напряженности, когда мы съ полною увѣренностью въ своихъ силахъ бросились на встрѣчу новымъ задачамъ и вопросамъ, другъ передъ другомъ сѣвши ставить все новые и новые вопросы, съ полною увѣренностью, что у насъ достанетъ силы справиться со всѣми ими, и жаловались только на медленность введенія этихъ вопросовъ въ жизнь общественную административнымъ путемъ. *Настала пора раздумья и разочарованія въ себѣ.* Мы чувствуемъ, что дѣла у насъ много, только сила для совершенія дѣла не достаетъ. Повсюду жалобы на недостатокъ въ людяхъ. Повсюду опасенія за успѣхъ вводимыхъ въ жизнь реформъ—какъ бы эти реформы не остались безъ дѣйствія или не были даже искажены при недостаткѣ дѣятелей, способныхъ ввести ихъ въ жизнь общественную. Прекрасныя формы жизни, заимствуемыя изъ другихъ странъ, могутъ дать совсѣмъ не тѣ результаты, какъ тамъ, при дурныхъ исполнителяхъ. Итакъ, все выходитъ шатко въ нашемъ общественномъ прогрессѣ: мѣры хороши, а исполнители плохи: дѣла много, а дѣятелей нѣтъ; и если бы можно было сказать—вино новое, а мѣхи старые,—нѣтъ, мѣхи поновлены, а вино часто выдохшееся,—форма блестяща, а содержаніе пусто“¹⁾ Церковная проповѣдь идетъ на встрѣчу этому общественному пессимизму и дѣлаетъ его. „Не считая своимъ дѣломъ пускаться въ обещаніе и осужденіе вѣшницъ, наиримѣрь, административныхъ условій для развитія общественной дѣятельности“, она раскрываетъ „правдивыя, отъ самихъ себя зависящія, условія слабой дѣятельности, неуспѣховъ въ общественной жизни“, предостерегаетъ отъ „тѣхъ подводныхъ камней въ жизни, о которые всего болѣе сокрушаются крѣпость и успѣхъ дѣла общественнаго“. И это слово предостереженія ставилось въ устахъ церковныхъ вѣнчанныхъ и рядомъ словомъ громо-

¹⁾ Прот. А. М. Иванцовъ-Платоновъ Слово „къ молодымъ людямъ“. Прав. Обзор. 1865 г., т. XVII, стр. 373—4

вого обличенія, которое тяготило ихъ собственный духъ и вызывало мучительныя воли. „О, какъ тяжела долгъ служителей Бога, восклицаетъ одинъ изъ нихъ. Когда вѣрныя своему долгу, мы хотимъ проповѣдывать народу одну чистую, строгую правду: зачѣмъ эта правда дѣлается въ устахъ нашихъ такимъ жестокииъ оружіемъ? Зачѣмъ, обнажая пердеи нами гноимыя раны челоуѣчества, она заставляетъ насъ углубляться во всю глубину этихъ ранъ и раскрывать ихъ и вынаруживать все ихъ гноеніе? Зачѣмъ она переноситъ эти раны въ нашу собственную душу и побуждаетъ насъ самихъ почувствовать и перестрадать ихъ, чтобы гѣмъ сильнѣе высказать боль ихъ. Зачѣмъ слово наше дѣлается только словомъ печальнаго обличенія, жестокаго удора и неумолимаго суда? Зачѣмъ, наконецъ, кромѣ борьбы собственныхъ мыслей и чувствъ, волнуемыхъ этимъ страшнымъ призваніемъ, мы должны еще идти на борьбу съ болѣзненнымъ раздраженіемъ челоуѣчества, котораго ранъ, и можетъ быть неловко, касаемся? Но все это невольно для насъ: такова правда, таковы язвы, таково челоуѣчество, словомъ таковы неизмѣнный долгъ нашъ. Это огонь, который, когда возмѣгается, пожираетъ нашу собственную душу, прежде, чѣмъ вылетитъ изъ устъ нашихъ въ яручемъ словѣ и падетъ на сердца слушающихъ. И съ какою грустью въ душѣ несетъ служитель Бога слово судное къ народу, и сколько разъ, съ зампраніемъ сердца, въ раздумьи, онъ готовъ остановиться и едва открывая уста, хотѣть бы закрыть ихъ! Но внутренній огонь воспламеняетъ духъ: вышній голосъ взываетъ „иди и говори“ (Іерем. 1, 17: 2, 1)—и мы должны забывать о себѣ, идти и говорить ¹⁾..“

Таково было слово церковныхъ вѣтій надъ колыбелью новой зарождавшейся общественной жизни нашей роины. Такова была здѣсь ихъ рѣчь съ „совѣстью“ русскаго общества, то незабвенное слово, та дорогая для русскаго народнаго сердца рѣчь, послѣдній отзвукъ которыхъ замолкъ ровно десять лѣтъ назадъ въ сентябрьскій вечеръ среди степей южной окраины Россіи.

Мм. Гл. Русскому сердцу торопъ этотъ послѣдній отзвукъ, какъ дорогъ сердцу каждаго роины отзвукъ давно

¹⁾ Ед. Іоанна „Народное покаяніе“, Беседа 3-я, стр. 206—207.

замершей колыбельной пѣсни. Но для современнаго русскаго общества онъ не только дорогъ, но и загадоченъ...

Господа, эпоха, которую я сейчасъ описать, для современнаго русскаго общества, не есть только нѣчто прошедшее: для насъ она есть вмѣстѣ *настоящее*. Наше время есть время новаго „усильнаго напряженія“ русскаго общества къ возрожденію своей жизни, и напряженія гораздо сильнѣйшаго. Въ наши дни русское общество въ еще болѣе сильной степени переживаетъ тѣ „муки рожденія“ повой общественной жизни, которыя вызвали къ бытію публицистическую проповѣдь и которыя такъ ярко запечатлѣлись, отобразились въ ней на память послѣдующимъ вѣкамъ. И когда читаешь это изображеніе, то кажется, что, какъ будто, описывается наше время, наша эпоха, только что пережитое нами въ прошедшіе годы переживаемое теперь. И мы только что пережили годы „восторженной напряженности, когда мы съ полною увѣренностью въ своихъ силахъ бросились навстрѣчу новымъ задачамъ и вопросамъ, другъ передъ другомъ спѣшили ставить все новые и новые вопросы съ полною увѣренностью, что у насъ достанетъ силъ справиться со всѣми ими, и жаловались только на медлительность введенія этихъ вопросовъ въ жизнь общественную административнымъ путемъ“ ¹⁾. Эпоха великихъ реформъ какъ бы повторяется въ наши дни. Только духъ общественный пробудился въ судорожныхъ движеніяхъ несравненно болѣе силы, чѣмъ въ 60—70 годы. Наше время въ еще большемъ смыслѣ время переходное, чѣмъ та эпоха, и потому еще болѣе „бурное, болѣзненное и тяжелое“ ²⁾. Словомъ, повторяюся, и при томъ съ высшей интенсивностью, всѣ условія общественнаго настроенія, породившія нѣкогда публицистическое проповѣдническое слово. Но возродилось ли и это самое вѣщее слово, возродилось ли это слово, что властно и умѣло говорило нѣкогда съ совѣстью мятущагося въ мукахъ рожденія общества?—Увы, этого слова какъ *устойчиваго* направленія не возродилось. расцвѣта лишь пустоцвѣтомъ жалкая пародія на публицистическое слово, *политикактующая проповѣдь*, смѣшавшая церковную кассетру съ гражданскою трибуной по

¹⁾ Выше цитир слово прот Иванцова-Платонова.

²⁾ Еп Іоанна Вышецитир бесѣды „Народное покаяніе“.

литическихъ мигновѣй Новаго развитія проповѣдническаго слова наша эпоха не дала... Почему же нѣтъ? Почему въ наши дни еще болѣе „усильнаго напряженія“ силъ общественныхъ не возстало плеяды „пророковъ“, которые бы проповѣдывали голосомъ пророческимъ, не раздаюся широко надъ родной землей „слова могучаго, которое поражаело бы народъ“? ¹⁾... Почему?

Разгадку этого явленія наиболее ясно даетъ проповѣдническое творчество скончавшагося на нашихъ глазахъ ровно десять лѣтъ тому назадъ послѣдняго изъ могиканъ проповѣдническаго слова эпохи великихъ реформъ—преосвященнаго Амвросія

II.

Въ противоположность другимъ современнымъ представителямъ публицистической проповѣди, преосв. Амвросію были столь же плодотивнымъ проповѣдникомъ-импровизаторомъ, сколько и *проповѣдникомъ-писателемъ*, составителемъ шпешныхъ проповѣдей и особыхъ проповѣдническихъ трактатовъ.

Современники преосв. Амвросія, имѣвшіе случай слышать его импровизаціи, свидѣтельствуютъ, что эти „чуждые импровизаціи произвели на слушателей болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ его заранее приготовленныя проповѣди“²⁾ Равно и самъ знаменитый витія сознавалъ, что „если сравнивать рѣчи писанныя и импровизированныя не по внутреннему ихъ достоинству, а потому, которая изъ нихъ въ большинствѣ случаевъ легче достигаютъ цѣли: то импровизаціи въ этомъ отношеніи имѣютъ своего рода преимущества предъ самыми лучшими, заранее обработанными, рѣчами... Рѣчь импровизатора можетъ быть не такъ глубока, не такъ стройна и изящна, какъ писателя въ кабинетѣ, но она близка подошла къ жизни, она говоритъ понятнымъ ей языкомъ, она съ нею сплелась, и тѣмъ направлена ея, куда нужно. Такія рѣчи по преимуществу владѣютъ народными массами. Сильное впечатлѣніе, производимое ими, поддерживаемое мольбою, быстро усиливаетъ значеніе ораторовъ въ народѣ.

¹⁾ Еп. Іоанна „Народное покаяніе“.

²⁾ Вѣра и Разумъ, 1902, № 14, стр. 104

³⁾ Полное собр. сочиненій, т. V „Живое Слово“ стр. 87, 88.

покоряетъ имъ умы, дѣлая ихъ любимыми, такъ что они становятся, какъ говорится, властителями сердець“.

Если импровизація легче достигаетъ цѣли проповѣдническаго служенія, если она сама по себѣ дѣлаетъ проповѣдника „властителемъ сердець“, то для чего же знаменитый витія-импровизаторъ еще писалъ проповѣди?

Писанныя проповѣди преосвященный Амвросій считалъ „въ извѣстныхъ случаяхъ необходимыми и неизбѣжными“. Какіе же эти случаи? Ихъ точно не указываетъ преосвященный витія, но объ нихъ можно заключать изъ нѣкоторыхъ мѣстъ его „Живого Слова“. „Не обо всемъ изъ христіанскаго ученія можно легко, основательно и правильно говорить и отчетливо выражаться въ поученіяхъ незаписанныхъ и необработанныхъ предварительно. Таковы догматы вѣры и отвлеченныя истины христіанскаго правоученія, требующія развитія обдуманнаго и осторожнаго и, какъ извѣстно, строгой точности въ употребленіи принятыхъ церковью выраженій 1)“. Если эти слова обобщить, какъ указывающія вообще на случаи, когда условія не только темы, но и времени и обстановки требуютъ особенно строгой точности выраженій, особенной основательности мысли, то этимъ вполне оправдывается существованіе писанныхъ словъ при встрѣчахъ царственныхъ особъ и чрезвычайныхъ торжественныхъ случаяхъ: когда каждое слово и мысль ожидаетъ строжайшая критика, полагаться на вдохновеніе минуты—неблагоразумно-рискованно. Отчасти здѣсь же можно находить объясненіе и для другихъ рѣчей, поскольку эти касаются предметовъ трудныхъ 2), и требующихъ строгаго раскрытія религіозно-философскаго. Но именно только отчасти, какъ мотивъ не рѣшающій, далеко не первостепенный. Мы знаемъ, что о тѣхъ же предметахъ преосвященный Амвросій могъ блестяще говорить и всегда говорить и импровизированною рѣчью 3). Очевидно здѣсь лежитъ коренная причина того, почему какъ импро-

1) Сравн. по этому вопросу мнѣнія западныхъ гомилетонъ по книгѣ Schuster—a „Die Vorbereitung der Predigt. Stuttgart, 1892; также въ статьяхъ Monatschrift für Pastoraltheologie 1905 Januar: Predigt schreiben oder nicht? 1910 September: Gedrückte Predigten

1) V, 134.

2) V,—141.

3) См. Саввы архіеп. Тверскаго. Хроника моей жизни т. VII, стр. 370.

визированныя, такъ и писанныя проповѣди пресвященный Амвросій считаль равно законными, равно нужными, равно имѣющими свое достоинство, но совершенно особыми, незамѣняющими другъ друга ¹⁾. Въ томъ же „Живомъ Словѣ“ указана другая причина. „Рѣзкое различіе между устнымъ и печатнымъ словомъ, говоритъ здѣсь, положено по особой нуждѣ и цѣли—*закрѣплять и сохранять* посредствомъ письменъ истины познанія, законы и прочія необходимыя для человѣка средства охраненія его духовной и тѣлесной жизни. „съ возможною силою изображать истину и добро, чтобы они *сохраняли* свое надлежащее дѣйствіе на жизнь человѣческую“ Писатель.. собираетъ побужденія для своего слова въ представленіи возможности тѣхъ и другихъ случаевъ, когда его мысли понадобятся людямъ, импровизаторъ говорить то, что сейчасъ нужно: одинъ надѣется предупредить опасности и провозвѣстъ добро въ *будущемъ*, другой устраняетъ опасности, угрожающія или уже появившіяся въ *настоящемъ*: одинъ предлагаетъ *средства для тушенія будущихъ пожаровъ*, другой гаситъ уже *пожирающее пламя*: одинъ надѣется приобрѣсти благодарность потомства, другой сейчасъ видитъ радостныя лица людей, имъ вразумляемыхъ и просвѣщаемыхъ, и получаетъ высшую награду въ ихъ горящихъ жизнью благодарныхъ позахъ. Слово писанное, въ лучшемъ своемъ значеніи, есть озеро воды, собранной вѣками и заготовляемой для будущаго: слово же устное есть ключъ живої воды, бьющій прямо изъ источника, журчащій и свергающій предъ глазами путника и съ особенною силою манящій его къ утоленію жажды: поэтому слову устному принадлежитъ названіе слова *живаго по преимуществу*, и только въ этомъ смыслѣ мы можемъ такъ назвать его“. Изъ этихъ разъясненій слѣдуетъ, что задачу своего писаннаго учительнаго слова пресвященный Амвросій видитъ въ томъ, чтобы во-первыхъ, *закрѣплять* свои воззрѣнія въ тѣхъ, кто слушаетъ его импровизаціи, во-вторыхъ, въ томъ, чтобы удовлетворять духовныя нужды тѣхъ, кто его не можетъ слушать и въ третьихъ,—упрочить за своими наставленіями значеніе для будущихъ поколѣній.

¹⁾ 87 стр

²⁾ Стр. 80.

³⁾ Стр. 80.

Отсюда писанная проповѣдь есть проповѣдь *вселенская и неумирающая*, предназначенная для самой широкой аудиторіи: это—голосъ архипастыря ко всему русскому интеллигентному обществу, а не къ наличнымъ только слушателямъ, какъ въ импровизаціяхъ. Это голосъ „*unibi et orbis*“. Разумѣется, что для такой аудиторіи не могла имѣть большого значенія простая импровизація, хотя бы то въ записанномъ видѣ. „Извѣстно, говоритъ преосвященный Амвросій въ своемъ „Живомъ Словѣ“, что ничего не стоитъ въ легкой статейкѣ пустить въ свѣтъ ложную мысль, или огласить еоблазнительный случай. Но опровергнуть заблужденіе, изобличить ложь, отбросить по достоинству вредныя для народа рассказы и сообщенія—все это требуетъ обдуманнаго труда и времени“ 1). Отсюда для преосвященнаго Амвросія вытекала необходимость помимо устнаго слова, схватывавшаго ходячія мысли на лету и тутъ же ихъ разбивавшаго подъ впечатлѣніемъ момента, дѣйствовать словомъ печатнымъ, обсуждавшимъ предметъ всесторонне, спокойно, обстоятельно и потому убѣдительнаго не для даннаго лишь момента и не для данныхъ слушателей, а для всего русскаго общества.

Желаніе сказать убѣдительное слово для всего интеллигентнаго общества несомнѣнно — основной мотивъ, побуждавшій знаменитаго импровизатора проповѣдывать не только словомъ устнымъ, но и писаннымъ, печатнымъ. Но столь же несомнѣнно, что быть и *еще болѣе глубокой мотивъ*, мотивъ чисто субъективно-психологическаго свойства.

Кто читалъ „Живое Слово“ преосвященнаго Амвросія, тотъ хорошо знаетъ, что по его мнѣнію „импровизаторъ долженъ непремѣнно обладать *всѣмъ, что требуется отъ даровитаго и основательнаго писателя*“. А для писателя требуется: сильная отъ природы и развитія долговременнымъ упражненіемъ способность глубокаго мышленія, пещерпывающая до основаній содержаніе предмета, такъ сказать съ одного конца до другого 2), точность понятій, необходимая для правильнаго развитія мыслей и послѣдовательнаго ихъ изложенія 3).

1) 83 стр.

2) Стр. 93.

3) Стр. 92.

наконецъ, богатство положительныхъ свѣдѣній по разнымъ отраслямъ знанія ¹⁾ Однако, въ импровизаціи всѣ эти свойства, хотя необходимо используются, но используются не до конца. Импровизаторъ находится въ постоянномъ процессѣ мышленія, анализирующаго богато протекающія свѣдѣнія по разнымъ отраслямъ знанія и жизни, систематизирующаго ихъ въ точныя понятія ²⁾, перерабатывающаго познанія, разбивающаго ихъ на части, перестраивающаго чужія понятія примѣнительно къ воззрѣніямъ и складу ума своего народа и облачающаго ихъ въ свои собственныя родныя слова ³⁾ Но этотъ процессъ для своего правильнаго полнаго развитія требуетъ для себя выраженія во вѣхъ. Между тѣмъ въ импровизаціи воплѣтиться онъ не можетъ Мыслитель стремится „обнять все содержаніе предмета отъ одного конца до другого“. Но при импровизаціи полнота содержанія предмета лишь схематическая, лишь въ смыслѣ общаго захвата существенныхъ его пунктовъ: касаться же болѣе детально содержація предмета мысль импровизатора не можетъ по недостатку времени Детали должны быть уже ранѣе анализированы и подведены подъ существенные пункты, раскрытіемъ которыхъ только и долженъ довольствоваться импровизаторъ. Вслѣдствіе того же недостатка времени импровизаторъ не можетъ взять каждый упоминаемый предметъ въ его вполнѣ точномъ понятіи и слововыраженіи. Точность здѣсь лишь приблизительная, которою не можетъ удовлетвориться мысль даровитаго основательнаго мыслителя. Отсюда является *психологическая потребность* въ письмениномъ выраженіи внутренняго процесса. Принимая „Живое Слово“ за повѣдь собственнаго опыта преосвященнаго Амвросія, можно здѣсь сдѣлать тѣ же выводы относительно самаго знаменитаго импровизатора. Именно эта субъективно психологическая потребность побуждала его къ писательству, а какъ проповѣдника по призванію именно къ писательству проповѣдническому. Эту свою потребность самъ преосвященный Амвросій описывае въ послѣдній годъ своей жизни въ письмѣ къ профессору Н. П. Субботину.

¹⁾ Стр. 92

²⁾ V, 140—141.

³⁾ 98 стр.

„Я, пишетъ онъ здѣсь, въ большомъ раздумьѣ: не перестать ли мнѣ писать? Дѣта мои ужъ очень преклонныя, силы слабы, а послѣдніе опыты изнуренія представляютъ нечто опасное для жизни. Мнѣ говорятъ: пишите по помпугу. Но вотъ моя бѣда: если мнѣ пришла мысль о чемъ нибудь написать, да меня она заинтересовала, она не покидаетъ меня ни на одну минуту, и ѣмъ и пью, и сплю съ нею, и хожу и говорю, и наконецъ, является необходимость освободиться отъ нея; и ужъ если началъ писать, такъ поскорѣе, такъ какъ состояніе становится мучительнымъ, а конецъ дѣла изнурительнымъ. Что тутъ дѣлать? Или лучше умереть съ перомъ въ рукахъ, чѣмъ жить, потерявъ интересъ въ жизни?.. Съ другой стороны, широко развившаяся при составленіи этихъ проповѣдей сила мышленія, точно выяснившіяся при этомъ понятія, какъ элементы цѣльнаго яснаго стройнаго міросозерцанія, служили прочной богатой и глубокой почвой для импровизированнаго слова. Такимъ образомъ, *писанныя проповѣди суть необходимые слѣды внутреннего процесса раскрытія и точнаго опредѣленія міросозерцанія самаго витія—импровизатора, процесса, служившаго почвой для рѣчей импровизованныхъ.*

Здѣсь—ключъ для выясненія послѣдовательности темъ писанныхъ рѣчей преосвященнаго Амвросія Харьковскаго періода, въ эпоху 80—90-хъ годовъ, по характеру общественнаго настроенія совершенно противоположную породившей публицистическое слово эпохъ 60—70 годовъ. За исключеніемъ проповѣдей, сказанныхъ по чрезвычайнымъ обстоятельствамъ, во всѣхъ проповѣдяхъ темы такъ слабо связаны съ вѣдшимъ событіемъ—поводомъ, что иногда вовсе невозможно понять, почему въ данный день развивалась та, а не другая тема. Часто въ нихъ вѣдшимъ поводомъ отпечатлѣвается лишь въ томъ, что ему удѣляется нѣсколько строкъ въ началѣ или въ концѣ, или и тамъ и здѣсь. А часто этотъ поводъ вовсе никакъ не отпечатлѣвается. Въ Харьковскій періодъ проповѣди изъ года въ годъ регулярно говорятъ лишь по тремъ—четыремъ праздничнымъ днямъ: на Новый Годъ, на 17 января—день храмоваго праздника и годичнаго акта Харьковскаго Университета, на день восшествія на престолъ Государя Императора, его тезоименитства, за послѣдніе годы еще 17 октября въ Спасовомъ скиту—день спасенія царской семьи. Попробуйте уста-

новить изъ условій наличнаго момента времени: почему 17 января 1883 года была развита тема: о вѣрности въ маломъ, въ тотъ же день 1884 года объ удовольствіяхъ, въ 1885 году „о томъ, что исправленіе общественной нравственности каждый долженъ пачинать съ самого себя“, а въ 1886 году „о силѣ слова Христова“? Правда, въ словахъ преосвященнаго Амвросія обычно указывается въ качествѣ предмета проповѣди ¹⁾ то явленіе въ общественной жизни, которое потребовало своего объясненія. Но эти явленія по большей части такого рода, что не заключаютъ сами въ себѣ достаточныхъ мотивовъ къ тому, чтобы подвергнуться обсужденію именно въ этотъ, а не въ другой день, въ этотъ годъ, а не въ другой. Въ предисловіи къ слову 17 января 1883 года преосвященный указываетъ, что отъ забвенія правила о вѣрности въ маломъ „страдаетъ общество“, но вѣдь отъ этого общество страдало и въ прошломъ году, но проповѣдникъ не говорилъ тогда объ этомъ. Слѣдующія два слова начашаются мотивировкою совершенно одинаковою: „одну изъ особенностей нашего времени составляютъ крайнее размноженіе и разнообразіе удовольствій. въ послѣднее время у насъ между людьми мыслящими, ищущими и имѣющими вліяніе на общественныя дѣла замѣчается особенно одно похвальное движеніе, — это забота объ исправленіи такъ называемыхъ общественныхъ недуговъ или общественной нравственности. Но вѣдь „размноженіе удовольствій“ стало особенностью времени не вчера и не третьяго дня и не въ прошедшій только мѣсяць: такъ почему же объ этомъ проповѣднику нужно было говорить 17 января, а на примѣръ не 1-го: то же должно сказать и о второй мотивировкѣ. Въ словѣ 17 января 1886 года проповѣдникъ даже и вовсе не считаетъ нужнымъ объяснить, почему именно сегодня заговорилъ онъ о „силѣ слова Христова“ Въ такомъ родѣ большинство словъ на царскіе дни: они имѣютъ такіе предметы и темы, что ихъ можно было бы вполне перемѣстить съ одного царскаго дня и года на другой безъ всякаго измѣненія ихъ содержанія: таковы, на примѣръ, проповѣди: въ

¹⁾ Наиболѣе точное опредѣленіе понятія „предмета проповѣди“, въ отличіе отъ понятія „содержанія“ см. у Krauss-a Lehrbuch der Homiletik SS 213—218, Gotha, 1833

день восшествія на престоль 1884 года „объ общественномъ мнѣніи, въ день тезоименитства Государя 1884 года „о повиновеніи властямъ“, въ день восшествія на престоль 1885 года о самодержавной власти, въ день тезоименитства Государя 1885 года, „о религіи, какъ основаніи народнаго благосостоянія“, въ день восшествія на престоль 1887 года „о долгахъ и объ обязанностяхъ вѣрноподающихъ“, а 1888 года „о христіанскомъ единомысліи“. Еще замѣчательнѣе то, что когда архіепископъ Амвросій выступаетъ, такъ сказать, въ порядкѣ, въ какой либо изъ церковныхъ праздниковъ даже двенадцатыхъ, его рѣчь или очень мало или вовсе не связывается съ предметомъ празднованія или воспоминанія. Въ недѣлю о Захвѣ рѣчь о „честности“ связывается у проповѣдника съ евангельскимъ повѣствованіемъ только тѣмъ, что въ эпитафій поставленъ стихъ изъ этого повѣствованія, стихъ ни разу не упомянутой въ самомъ словѣ; въ цѣломъ десяткѣ рѣчей въ день Антонія Великаго не только никогда ни одна черта изъ жизни святаго Антонія не служитъ поводомъ къ слову, но даже и не упоминается, не упоминается даже имя его. Въ день Срѣтенія Господня 1884 года проповѣдникъ говоритъ почему-то о „семейномъ счастіи“, не обмолвившись ни однимъ словомъ объ отношеніи этого предмета къ идеѣ праздника, даже не упомянувъ объ немъ. Мало того, эпитафійомъ слова является текстъ, не имѣющій никакого отношенія ни къ ветхозавѣтнымъ, ни къ новозавѣтнымъ чтеніямъ праздника: „и взя Богъ человека, его же созда, и введе его въ рай сладости дѣлать его и хранить“. То же встрѣчаемъ въ словѣ предъ Рождествомъ Христовымъ о чадородіи. Или вотъ двенадцатый праздникъ Преображенія Господня 1895 года... Попытайтесь объяснить, съ какой стати въ этотъ день Амвросій говоритъ „о самоиспытаніи въ дѣлѣ вѣры“ и беретъ эпитафійомъ текстъ 2 кор. 13, 5: „искушайте себя, аще есте въ вѣрѣ, себя искушайте. Или не знаете себя, яко Исусъ Христосъ въ васъ есть, развѣ точію чимъ не искуши есте“... Въ связи съ этимъ текстомъ проповѣдникъ начинаетъ *ex abrupto*: „извѣстно христіанское

1) Проп. 621—634.

2) Бытія 2, 15.

3) Проп. 605—620.

ученіе о нравственномъ самоиспытаніи это ученіе. Въ день Святителя Николая 9-го мая 1897 года проповѣдникъ беретъ почему то текстъ 1 Тимоѳ. 6, 20—21 и поучаетъ „о неперикосновенности священныхъ догматовъ православной вѣры“, ни единымъ словомъ не обмолвившись объ отношеніи этой темы къ воспоминаемому святому ¹⁾. Попробуйте, наконецъ, догадаться: почему 8-го іюля того же года въ день явленія иконы Божіей Матери, именуемой Казацкой, идетъ рѣчь „о необходимости для православнаго христіанина участвовать въ церковной жизни, чтобы сохранить въ душѣ своей вѣру?“ ²⁾.

Разъясненіе всѣхъ указанныхъ явленій лежатъ именно въ томъ, что предметы и темы, раскрывавшіеся въ писанныхъ проповѣдяхъ обуславливались ближе всего субъективно психологическимъ процессомъ постепеннаго раскрытія и опредѣленія міровоззрѣнія самого проповѣдника. Изъ многихъ современныхъ явленій, обращающихъ вниманіе проповѣдника, онъ беретъ для разъясненія сначала важнѣйшее: при разъясненіи послѣдшаго онъ наталкивался на такія смежныя или составныя явленія современной жизни, которыя въ его міросозерцаніи не были досель ясно и точно основаны, опредѣлены и формулированы и вотъ въ слѣдующій разъ онъ беретъ парочито одно изъ такихъ явленій, тщательно развиваетъ и точно формулируетъ соответственную сторону своего міросозерцанія.

Для иллюстраціи я останавлиюсь лишь на проповѣдяхъ первыхъ двухъ лѣтъ Харьковскаго періода.

Слово при вступленіи на Харьковскую кафедру представляетъ изъ себя краткій конспектъ, намѣчающій основныя мысли и вопросы, которыхъ касается проповѣдникъ въ послѣдующихъ проповѣдяхъ. Во второй проповѣди за время служенія въ Харьковской епархіи, произнесенной въ Епархіальномъ женскомъ училищѣ и обращенной главнымъ образомъ къ дѣтямъ, мысль проповѣдника обусловлена почти исключительно потребностями своихъ маленькихъ слушающихъ. Однако, въ концѣ проповѣди преосвященный влія іюлюшаетъ свою программу, высказанную въ предше-

¹⁾ IV, 103.

²⁾ IV, 121—132

ствующемъ поученіи, общимъ указаніемъ духовныхъ педагоговъ, которыми всегда занята его мысль. Каковы же они? „Это—наше лукавое стремленіе къ знанію съ отверженіемъ Христовой истины подъ ипотъ педагога: „будьте яко боги“ Это—гордое желаніе провѣрить тайну божественнаго откровенія нашимъ слабымъ умомъ: это—привмѣщеніе къ чистому Христову ученію нашихъ человѣческихъ мнѣній.—этотъ выборъ заповѣдей, или обязанностей нашихъ къ Богу по нашему вкусу и произволу: это—противленіе руководящимъ уставамъ и воспитательнымъ правиламъ церкви Христовой; это—изгнана сердца, предающагося вмѣсто Бога духа—плоти и ея наслажденіямъ: наконецъ, это—упорство, съ которымъ мы остаемся въ нашихъ грѣховныхъ намыслахъ и страстяхъ, отвергая всякое призваніе благодати къ раскаянію и общенію съ Богомъ“. Новый 1883 годъ направляетъ мысль проповѣдника къ вопросу о молитвѣ и о значеніи ея въ важнѣйшей, изъ намѣченныхъ во вступительномъ словѣ, области человѣческой жизнедѣятельности—государственной и общественной. Въ семинарскомъ храмѣ среди воспитанниковъ духовной школы пресвященный находитъ поводъ раскрыть свой взглядъ на одинъ изъ указанныхъ имъ источниковъ общественнаго возрожденія—трудъ самовоспитанія въ духѣ Христовомъ Но здѣсь онъ раскрываетъ свой взглядъ лишь въ приложеніи къ учащемуся юности. Въ слѣдующей проповѣди 17 января 1883 года пресвященный доклавываетъ раскрытіе своего взгляда на этотъ предметъ уже въ приложеніи къ людямъ безъ различія ихъ состоянія. Основныя требованія самовоспитанія Амвросій опредѣляетъ здѣсь вообще какъ „вѣрность въ маломъ“ Эти требованія суть христіанскія собственно болѣе съ формальной стороны. Положительныя начала христіанскаго самовоспитанія Амвросій раскрываетъ въ новый 1884 годъ. Онъ останавливается здѣсь на раскрытіи намѣченной имъ во вступительномъ словѣ мысли о вѣрѣ, какъ цѣлостномъ союзѣ съ Христомъ. Намъ нужно, говоритъ тамъ между прочимъ Амвросій, исправить нашу вѣру и наше понятіе о ней. Мы обратили ее въ сухой перечень истинъ или мыслей и смѣшали съ человѣческими ученіями, а она есть живой союзъ съ Христомъ, устанавливаемый съ нашей стороны чрезъ девосіе умомъ Его мыслей, сердцемъ—Его божественно чистыхъ чувствованій.

свободною волею—Его святого закона ¹⁾. Въ словѣ на Новый 1884 годъ Амвросій дѣлаетъ эту мысль темой проповѣди. „Слѣдуя за вѣкомъ на пути просвѣщенія, говорится здѣсь, мы углубились въ область знанія и туда же перенесли нашу вѣру и оттуда занимаемся всея способы и приемы къ ея усвоенію. Для насъ вѣра стала совокупностью мыслей, и какъ первоначальнаго просвѣщенія ею невѣрующихъ, такъ и возвращенія къ ней отпадшихъ мы надѣемся достигнуть убѣдительною и доказательною нашими мыслями и познаніями. Намъ однакоже напередъ такоу знать первыми проповѣдниками вѣры Христовой, что „слово и проповѣдь о ней состоятъ не въ убѣдительныхъ словахъ человѣческой мудрости, но въ явленіяхъ духа и силы чтобы вѣра наша утверждалась не на мудрости человѣческой, но на силѣ Божіей“ ²⁾. Итакъ, кто хочетъ отъ невѣрія обратиться къ вѣрѣ, ницѣ не однихъ мудрыхъ словъ о вѣрѣ, а главнымъ образомъ силы вѣры: „Царство Божіе не въ словѣ, а въ силѣ“ ³⁾. Гдѣ же искать силы вѣры? Тамъ—гдѣ обрѣтается всякая сила,—въ жизни „Итакъ, опредѣляетъ тему своей проповѣди преосвященный, обращеніе къ вѣрѣ должно быть начинаемо возвращеніемъ къ тѣмъ опытамъ явленія ся силы въ нашемъ духѣ и жизни, которые извѣданы нами прежде ⁴⁾. Раскрывая условія, необходимыя для возвращенія „стадо стныхъ оцущеній живою вѣрой“ ⁵⁾, Амвросій неизбежно приходитъ къ мысли о чувственномъ характерѣ нашей жизни, какъ важнѣйшемъ препятствіи на пути возвращенія къ опытамъ жизни духовной. „Но очевидно, говоритъ онъ, что мы должны оставить всякую надежду на возвращеніе себя живою вѣрой при томъ глубокомъ погруженіи въ чувственную жизнь, какое нынѣ себя позволяемъ. Мы совершенно отделились въ рабство плоти: трудимся до изнеможенія не для приобрѣтенія необходимаго только въ жизни, но для умноженія удобствъ, которымъ нѣтъ конца, для роскоши и наслажденій“.—Въ слѣдующей проповѣди ⁶⁾

¹⁾ Проп. стр. 8

²⁾ I Кор. 2, 4—5.

³⁾ I Кор. 4, 20

⁴⁾ Проп. стр. 51—2.

⁵⁾ Проп. стр. 53—54.

⁶⁾ 17 января 1884 г

Амвросій посвящаетъ раскрытію этого явленія все свое вниманіе и иллюстрируетъ каждый изъ намѣченныхъ здѣсь частныхъ пунктовъ подробными разъясненіями. „Одну изъ особенностей нашего времени, заявляетъ здѣсь Амвросій, составляетъ крайнее разноразіе и разнообразіе удовольствій... Необходимо нынѣ каждому христіанину немедленно запастись указаніями и руководствомъ, какъ онъ можетъ и долженъ держать себя въ этомъ потокѣ, въ этомъ вихрѣ. въ этомъ чадѣ страстнаго стремленія людей нашего времени къ удовольствіямъ и наслажденіямъ всякаго рода“ 1). Указавъ здѣсь въ общемъ обзорѣ губительность удовольствій въ отношеніи къ разнымъ сторонамъ человѣческой жизни, въ проповѣди на 2 февр. 1884 года преосвященный ораторъ останавливается на томъ разложеніи, которое произведено въ погонѣ за удовольствіями въ семьѣ,—этой основѣ благосостоянія государствъ и народовъ. Еще въ предшествовавшей проповѣди онъ много касается этого пункта 2). „Главное заблужденіе относительно семейной жизни, рѣшительно заявляетъ онъ въ проповѣди на 2 февраля, нынѣ состоитъ въ томъ, что всѣ ищутъ и жаждутъ отъ семейной жизни счастья, какъ чего-то готоваго, что непременно они должны найти безъ труда и успѣи“. Вся проповѣдь раскрываетъ этотъ тезисъ. Но углубляясь въ современную жизнь, Амвросій столкнулся съ тѣмъ обстоятельствомъ, что погоня за удовольствіями, равно какъ и нѣкоторые другіе недостатки, обязаны своимъ существованіемъ въ семьѣ одному болѣе общему фактору: легкомысленному слѣдованію общественному мнѣнію 3). И вотъ, въ словѣ на день восшествія на престолъ Императора Александра Александровича проповѣдникъ раскрываетъ ученіе о правильномъ отношеніи къ чужому мнѣнію, хотя бы и общественному 4). Взмахиваясь глубже въ факты всеобщей погоня за удовольствіями, проповѣдникъ усматриваетъ, какъ вліяніе этого факта отъ семьи переходитъ на цѣлое государство и общество. Легкомысліе, разсѣянность и себялюбивыя помысленія о нашихъ лич-

1) Проп. стр. 60.

2) Проп. стр. 66, 68.

3) Проп. стр. 78, 82, 83

4) Проп. стр. 87.

ныхъ выгодахъ и удовольствіяхъ въ настоящемъ“ затемняютъ въ нашемъ сознаніи и памяти наши обязанности въ отношеніи созиданія будущаго нашего отечества или иначе „естественныя побужденія къ заботѣ о благѣ нашего отечества“¹⁾. Благо потомства требуетъ, между прочимъ, чтобы мы передали ему „живое и ясное сознаніе нашего народнаго призванія“²⁾. Но правильное пониманіе народнаго призванія требуетъ отверженія гнилыхъ ученій, распространяемыхъ подъ покровомъ просвѣщенія. Живо пробудившееся въ сознаніи Амвросія представленіе о духѣ современнаго просвѣщенія побуждаетъ его изобразить этотъ духъ въ слѣдующемъ словѣ и при этомъ, примѣнительно ко дню тезоименитства Государя, изобразить въ отношеніи его ко власти³⁾. Раскрытіе внутренней несостоятельности новыхъ взглядовъ на власть естественно обращаетъ взоръ Амвросія къ „незыблемому началу всѣхъ властей, основанію и надеждѣ всякаго порядка—самодержавной власти Государя“⁴⁾. Выявленію необходимости этой власти и посвящено слѣдующее слово на день восшествія на престолъ Государя Императора⁵⁾. Въ словѣ на день тезоименитства Государя 1885 г. Амвросій раскрываетъ духъ современнаго просвѣщенія съ другой стороны, со стороны пониманія общественнаго государственнаго значенія религіи (о религіи, какъ основѣ народнаго благосостоянія). Въ рѣчахъ на 15 сентября и 15 октября 1885 г. и въ словѣ на Новый 1886 годъ Амвросій дѣлаетъ общіе обзоры указанныхъ раѣе недостатковъ современной жизни. Въ результатъ этихъ обзоровъ въ сознаніи проповѣдника съ особенной яркостью выступаетъ мысль о совершенной противоположности „духа времени“ духу Христову и необходимости выбора между тѣмъ и другимъ, выбора: быть или не быть въ оградѣ Церкви Христовой⁶⁾. Эту мысль Амвросій и раскрываетъ подробно въ словѣ о церковномъ отлученіи въ недѣлю Православія 1886 года

1) О нашихъ обязанностяхъ въ отношеніи къ отечеству, 6 мая 1884 года.

2) Проп. стр. 117.

3) Слово „О повиновеніи властямъ“ 1884 года

4) Проп. 130 стр.

5) Проп. 134 стр.

6) Проп. стр. 214—215.

Итакъ, писательская проповѣдническая дѣятельность пресвященнаго Амвросія была *внутренне-психологическою потребностью его какъ глубокаго мыслителя*, обсуждающаго предметы всесторонне до ихъ глубочайшихъ основаній“. Она *именно была серьезнымъ мыслителемъ, привыкшимъ домысливаться до самыхъ глубокихъ началъ, изъ которыхъ исходятъ частныя и разнообразныя явленія жизни*“, которому было „свойственно не только отыскивать, но и называть по имени источники, изъ которыхъ течетъ добро и зло“ ¹⁾.

Самое характерное проявленіе этого свойства пресв. Амвросія—*проповѣдническіе трактаты*. Хотя рамки писанной проповѣди для мыслителя несравненно удобнѣе таковыхъ же импровизированнаго слова, однако и онѣ ограничивали широкій размахъ анализирующей мысли знаменитаго витія. Важнѣйшія явленія требовали такого детальнаго раскрытія, каковой не допускалъ размѣръ церковнаго слова ²⁾. „Много мы, говоритъ архіеп. Амвросій въ 1888 г. о существующемъ враждебномъ отношеніи вѣры и науки, много мы имѣемъ на это доказательствъ и научныхъ и опытныхъ, но входитъ въ обширныя разсужденія неудобно на церковной кафедрѣ“ ³⁾. Въ 1876 году 26 января, констатируя происшедшее „въ послѣднее время“ въ средѣ врачей „чрезвычайно важное, всѣмъ извѣстное движеніе и измѣненіе относительно религіозныхъ воззрѣній и убѣжденій“, проповѣдникъ чувствуетъ невозможность исчерпывающимъ образомъ обсудить это явленіе. „Что же, спрашиваетъ онъ, не хотимъ ли мы начать разсужденія о вѣрѣ и мірѣ духовномъ для тѣхъ изъ нихъ, которые согласно съ направлениемъ вѣка обосновали свои убѣжденія, правила и дѣйствія на опытахъ, законахъ и въ предѣлахъ одного міра естественнаго, съ совершеннымъ отрицаніемъ духовнаго? Нѣтъ. Не хотимъ ли мы усиленнымъ образомъ убѣждать возвратиться къ христіанскимъ воззрѣніямъ и правиламъ тѣхъ изъ нихъ, у которыхъ еще жива въ сердцѣ вѣра, посѣянная въ дѣтствѣ, но подавлена терпѣніемъ бродячихъ ложныхъ ученій и печальми житейскими? Нѣтъ. Все это слишкомъ сложно и слишкомъ было бы трудно

1) Изъ рѣчи на юбилей проф. Шуровскаго, 11, 109.

2) IV, 126

3) Проп. 321.

для *краткаго церковнаго слова* ¹⁾. Конечно, изъ этого затрудненія проповѣдникъ могъ выходить путемъ возвращенія своего слова нѣсколько разъ къ одному и тому же предмету, что и можно наблюдать, напримѣръ, въ отношеніи вопроса о воспитаніи: однако, для мыслителя есть нескоренная потребность—не довольствуясь частичными изслѣдованіями предмета, но временамъ охватывать его сразу, цѣликомъ, систематически во всей его полнотѣ. Съ другой стороны, многія опытные и научныя наблюденія во всей жизненной поучительной наглядности по самому существованію своему несоотвѣтствовали характеру и священному величію церковной кафедры, каковы, напримѣръ, отдѣльные мелкіе факты и происшествія ²⁾, детальныя историческіе экскурсы ³⁾. Отсюда являлась потребность составленія *въцерковныхъ* особыхъ *рѣчей, бесѣдъ или чтеній*, предназначенныхъ для въѣбогослужебныхъ общественныхъ собраній. Это—тѣ же проповѣди по основному тону и общему содержанію, но отдѣльныя части ихъ получили столь детальное развитіе, что обращаются въ цѣлыя главы, а въ общемъ даютъ цѣлый *трактатъ*. Иногда эти рѣчи такъ подходятъ къ формѣ писанныхъ проповѣдей, что ихъ трудно отдѣлать отъ послѣднихъ. Напримѣръ, бесѣда, читанная въ залѣ Харьковскаго Института благородныхъ дѣвицъ въ день годовичнаго акта 10 мая 1896 года вполне должна быть признана проповѣдью. Имѣя въ эпиграфѣ текстъ Римл. 12, 16, она содержитъ въ себѣ послѣдовательное истолкованіе трехъ мыслей, заключающихся въ этомъ текстѣ; даже и заканчивается она словомъ: *аминь* ⁴⁾. Подобнымъ же образомъ рѣчи „о значеніи молитвы въ дѣлѣ вѣры ⁵⁾, о высшемъ началѣ христіанской любви и благотворительности ⁶⁾, о дѣлателяхъ на жатвѣ Божіей ⁷⁾, о практической борьбѣ христіанъ съ современными заблужденіями и пороками ⁸⁾, о гордости вообще и современной

¹⁾ II, 79.

²⁾ Каковы въ чтеніи „о причинахъ отчужденія отъ церкви“: V, 202, 206.

³⁾ Каковы, напримѣръ, въ чтеніи „о религиозномъ сектанствѣ“: V, 223—241.

⁴⁾ IV, 34—52.

⁵⁾ IV, 201—230.

⁶⁾ IV, 231—248.

⁷⁾ V, 323—354.

⁸⁾ V, 355—3-8.

въ особенности“¹⁾ имѣютъ своимъ исходнымъ пунктомъ—первая церковную память пророка Іліи, остальные—тексты Священнаго Писанія, стоящія въ эпитафѣ. Кроме того, на всемъ теченіи рѣчи въ основу разсужденій кладутся также тексты Священнаго Писанія. Дальше всего отъ формы проповѣди по своему характеру стоятъ четыре *чтенія*: два о свободѣ печати, о причинахъ отчужденія отъ церкви нашего образованнаго общества, о релігіозномъ сектантствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ; двѣ *рѣчи*: „о значеніи искусства въ дѣлѣ воспитанія и образованія“ и „о причинахъ чрезвычайнаго распространенія пороковъ и преступленій въ современномъ христіанскомъ мірѣ“. Главное отличие ихъ отъ писанныхъ проповѣдей однако же не по существу, а лишь по широтѣ развитія отдѣльныхъ частей, почему даже лекція „о свободѣ печати“ лежитъ въ области изслѣдованій, имѣющихъ характеръ „слова церковнаго“²⁾. Здѣсь вы встрѣтите въ началѣ привычную мотивировку темы рѣчи выясненіемъ ея отношенія къ идейнымъ общественнымъ теченіямъ, но здѣсь же вы можете встрѣтить еще предварительную мотивировку самаго права проповѣдника братья за выясненіе намѣченнаго вопроса³⁾. Здѣсь вы встрѣтите на обычномъ мѣстѣ точное опредѣленіе предмета, но тогда какъ въ проповѣдяхъ оно дается какъ готовое, въ рѣчахъ и чтеніяхъ дается самый, иногда длинный и философски-умозрительный процессъ образованія понятія о предметѣ⁴⁾. Авторъ чтенія или рѣчи даетъ рядъ опредѣленій среди длинныхъ „нѣсколько отвлеченныхъ философскихъ соображеній“⁵⁾. Да и самыя опредѣленія отличаются точностью философской терминологіи. „Что такое идея?—спрашиваетъ, на примѣръ авторъ въ рѣчи объ искусствѣ, и отвѣчаетъ: идея есть умопредставляемое начертаніе сущности, содержанія и назначенія предметовъ познанія, взятыхъ цоронь, или въ совокупности, а также ихъ взаимныхъ отношеній и происходящихъ отсюда дѣйствій и явленій“⁶⁾. Здѣсь вы

1) V, 408—418.

2) V, 190.

3) V, 152—157.

4) V, 157—171.

5) IV, 167.

6) IV, 168.

встрѣтите подобныя же историческія справки, какъ и въ проповѣдяхъ, но эти справки не общаго, какъ тамъ, характера, а подробно-детальнаго, съ цифрами и личными именами ¹⁾. Здѣсь, какъ и въ проповѣдяхъ, неизмѣнно дается положительное раскрытіе предмета на основаніи Божественнаго Откровенія, но при этомъ каждая основная составная черта предмета раскрывается такъ пространно, что получается цѣлая глава, равная иногда по объему цѣлой проповѣди ²⁾ и такъ основательно, что раскрываются и чисто философскія, отвлеченно умозрительныя основы ³⁾. Элементъ жизнеописательный настолько ярокъ, что захватываетъ и мелкіе факты изъ жизни отдѣльныхъ членовъ общества и самаго проповѣдника. Такъ въ рѣчи „о значеніи искусства въ дѣлѣ воспитанія и образованія“ проповѣдникъ „для болѣе яснаго представленія о вліяніи духа времени на современное направленіе нашей живописи“, въ видѣ примѣра разбираетъ содержаніе одной изъ картинъ извѣстнаго живописца Ге: „что есть истина“ ⁴⁾. Въ чтеніи „о религіозномъ сектанствѣ“ лекторъ сообщаетъ о своихъ впечатлѣніяхъ отъ Петербурга, подробно описываетъ одинъ изъ сеансовъ Пашкова ⁵⁾, приводитъ часть своего разговора съ этимъ представителемъ сектанства ⁶⁾. Въ рѣчи „о причинахъ чрезвычайнаго распространенія пороковъ“... дѣлаются значительныя буквальныя выдержки изъ сочиненій опровергаемыхъ философовъ ⁷⁾, чего не встрѣчается въ проповѣдяхъ, въ которыхъ эти ученія излагаются „своими словами“ или же въ видѣ отдѣльныхъ общераспространенныхъ тирадъ ⁸⁾. Нравственно-практическій императивъ ⁹⁾ имѣетъ и въ рѣ-

1) V, 196—203; 227—241; 253—256.

2) Напр. IV, 170—180; IV, 295—308; 308—316.

3) IV, 168—169.

4) IV, 187.

5) V, 250—253

6) V, 249.

7) V, 296—7.

8) Напр., Проп. 413—414; IV, 66—7.

9) То, что западные гомилеты называютъ Finalthema. См. наприм. Schweizer. Homiletik, S. 177. Krauss Lehrbuch. S. 436—443. Bassermann. Handbuch. S. 495—6.

чахъ не менѣе важное значеніе, чѣмъ и въ писанныхъ проповѣдяхъ ¹⁾.

Одни изъ этихъ проповѣдническихъ трактатовъ систематизируютъ разбросанныя по разнымъ проповѣдямъ взгляды проповѣдника лишь по отдѣльнымъ важнѣйшимъ самымъ кореннымъ явленіямъ времени; таковы: требованія свободы совѣсти и слова ²⁾, отчужденіе отъ церкви образованнаго общества ³⁾, гордость, какъ движущая сила всѣхъ пороковъ человѣческихъ въ особенности послѣдняго времени ⁴⁾, принципиальное отчужденіе отъ молитвы—„этого самаго основного свойства вѣры“, ⁵⁾ подмѣна основного начала христіанской нравственной дѣятельности—любви любовью естественной ⁶⁾, преклопеніе предъ автономной нравственностью ⁷⁾ и предъ силою искусства. ⁸⁾

Другіе изъ трактатовъ имѣютъ своимъ предметомъ общую картину религіозно-нравственнаго состоянія современнаго общества. Таковы три послѣднихъ (не считая незаконченной—о гордости) по времени рѣчи: о причинахъ чрезвычайнаго распространенія пороковъ и преступленій въ современномъ христіанскомъ мірѣ, о дѣлателяхъ на жатвѣ Божіей (принадлежитъ 1900-му г.) и „о практической борьбѣ христіанъ съ современными заблужденіями и пороками“ (1901 г.). О субъективно-психологической сторонѣ происхожденія послѣднихъ рѣчей сообщаетъ самъ преосвященный Амвросій въ письмѣ къ проф. Н. И. Субботину отъ 10 мая 1901 года: я вскорѣ по напечатанію послѣдней рѣчи моеѣ, принялся за работу, и эта работа буквально подавила меня. Набрелъ я на затрудненія, по своей слабодушной натурѣ заволновался и подъ конецъ дошелъ до крайняго болѣзненнаго изнеможенія. Теперь, слава Богу, кончилось... Въ чемъ же дѣло? Мнѣ казалось, что послѣдними двумя рѣчами наше современное религіозное состояніе только описано, а выходъ изъ бѣды

1) V, 222—224; 261—269.

2) V, 181—193.

3) 191—209.

4) V, 408—418.

5) IV, 201—230.

6) IV, 231—248.

7) IV, 293—320.

8) IV, 165—199.

не указать. И вотъ Богъ далъ мнѣ мысль (я вѣрую, что все отъ Господа) написать „о практической борьбѣ съ современными заблужденіями и пороками“. Словами всего не сдѣлаешь, а надо побѣждать благимъ зломъ... 1) Въ этихъ рѣчахъ преосвященный Амвросій, въ предчувствіи близкой смерти, сдѣлалъ послѣдній смѣлый и энергичный общій натискъ на духъ своего времени. „Кто иибудь, говоритъ преосвященный Амвросій, долженъ же открыть глаза безпечнымъ и ослѣпленнымъ людямъ, идущимъ къ гибели и влекущимъ за собою цѣлый великій народъ. Я старикъ, свыше осьмидесяти лѣтъ, продолжаю жить уже въ пятое царствованіе, и почитаю грѣхомъ умереть, не высказавши горькой правды моему отечеству“. 2)

Незаконченная рѣчь о „гордости“ является необходимымъ итогомъ, въ которомъ всѣ настроенія, изслѣдованныя въ предшествующихъ рѣчахъ, сводятся къ ихъ единому корню. Отъ послѣдней рѣчи сохранилось два наброска вступленія, два плана и нѣсколько страницъ изложенія,—материалъ, дающій нѣсколько характерныхъ выводовъ о процессѣ работы преосвященнаго Амвросія надъ своими трактатами. Первый планъ отличается отвлеченностью и сложностью выраженій. Очевидно, на первыхъ шагахъ изученія и обсуждения вопроса мысль автора не имѣла достаточной ясности. Во второмъ планѣ основныя мысли уже выражаются кратко, просто, ясно и опредѣленно. Мысли, скомканныя ранѣе въ одномъ пунктѣ, теперь получаютъ раздѣльность и распределяются въ нѣсколькихъ пунктахъ, отчего одинъ пунктъ перваго плана 3) во второмъ разбивается на три 4). Приступъ къ первой редакціи въ первой половинѣ своей состоитъ изъ сообщенія, въ рѣзко-полюемическомъ тонѣ, о приѣмѣ, который встрѣтила предшествующая рѣчь проповѣдника у людей благомыслящихъ и либеральныхъ; 5) во второй редакціи эта часть вовсе выкинута и весь приступъ посвященъ болѣе подробному раскрытію мыслей второй половины предисловія первой редакціи: такимъ путемъ рѣчь получаетъ постепенно

1) Вѣра и Разумъ, 1902 года, № 20, стр. 526.

2) О дѣлателяхъ и жатвѣ Божіей, т. V, стр. 348—9

3) Именно—первый пунктъ перваго плана. V, стр. 418—420.

4) См. т. V, стр. 420.

5) V, стр. 421—2.

болѣе объективный характеръ. Наконецъ, въ первомъ планѣ, въ первомъ пунктѣ изложенія, находится много буквальныхъ цитатъ изъ сочиненій различныхъ мыслителей, а въ соответствующемъ ему остаткѣ изложенія этихъ ссылокъ нѣтъ. Очевидно, эти цитаты указываютъ лишь тотъ богатый научный матеріалъ, на почвѣ анализа котораго построились рѣчи преосвященнаго Амвросія. Подумайте же теперь, какую серьезнѣйшую, строгую, научно-философскую, сложную и неутомимую работу мысли имѣютъ за собою эти красивыя, изящныя по построению, легкія по стилю, живыя по изложенію рѣчи знаменитаго витія—публициста школы эпохи „великихъ реформъ“!

Такъ, Мм. Гг., проповѣдникъ-мыслитель, серьезный, трудолюбивый мыслитель, непрерывно, неустанно стремящійся *осмыслить жизнь прежде всего для самого себя*—таковъ внутренний обликъ носителя могучаго публицистическаго проповѣдническаго слова эпохи перваго возрожденія русскаго общества. И если въ наши дни,—въ эпоху втораго возрожденія, не возродилось снова это слово, основная причина этого лежитъ въ томъ, что наше время забыло, что *проповѣдникъ долженъ быть мыслителемъ*,—серьезнымъ строителемъ собственнаго личнаго міровоззрѣнія. Преосвященный Амвросій—еще почти живой свидѣтель непреложной гомилетической истины: *только въ интимномъ процессѣ внутренняго строенія собственнаго взгляда на жизнь рождается подлинное проповѣдническое слово*. Чужая, не выпошенная въ собственной душѣ мысль, чужое слово, чужое, взятое на прокатъ, міровоззрѣніе—могильная плита самому началу проповѣдническаго творчества. Но эта плита слишкомъ крѣпко лежитъ на творческихъ силахъ современнаго общества, и въ частности на тѣхъ, кто призванъ отъ Бога быть служителемъ слова, слишкомъ крѣпко лежитъ эта плита, чтобы забили многочисленныя родники могучаго проповѣдническаго слова, равныя Іоанну, Никанору, Амвросію...

Мм. Гг.! Если Васъ чаруетъ это могучее слово, если Вы желаете его возрожденія на себѣ и въ другихъ, Вы должны прежде всего отречься отъ перспективы спокойно—лѣниваго прозябанія чужими мыслями, чужими словами, чужимъ міровоззрѣніемъ. Вы должны не только жить съ Церковью и народомъ, но и осмысливать эту свою жизнь въ процессѣ самой

серьезной, упорной, неутомимой внутренней работы надъ созиданіемъ собственнаго цѣльнаго христіанскаго міровозрѣнія при свѣтѣ Евангелія и ученія Церкви. Только тогда Вы заговорите съ совѣстью родного народа во дни его настоящаго возрожденія такъ же могуче и властно, какъ говорили съ ней въ эпоху перваго возрожденія, только тогда изъ Вашихъ устъ раздастся то огненное животворящее слово привѣта, ободренія и обличенія родному народу, послѣдній отзвукъ котораго замеръ ровно десять лѣтъ назадъ ¹⁾).

По крайней мѣрѣ, только тогда Вы поймете вполнѣ весь ужасъ говорить живымъ людямъ подѣ формой церковной проповѣди

„общія мысли, никакой силы неимѣющія и слова никого некасающіяся и ничего невыражающія“

и къ Вамъ дозволительно будетъ повторить призывъ церковныхъ витій-публицистовъ

„будемъ звучать, какъ металлы, если не можемъ лучше, прозвучимъ хоть какъ колокола, только бы не оставаться въ равнодушиномъ безмолвіи.... только бы насъ слышали“ ²⁾.

В. Виноградовъ.

¹⁾ Больше подробно о проповѣдническомъ творествѣ преосв. Амвросія см. въ нашихъ статьяхъ, въ ж. Вѣра и Разумъ за текущій (1911) годъ (№ 17 и слѣд.) подѣ общимъ заглавіемъ: „Къ характеристикѣ проповѣдническаго творчества преосвящ. Амвросія, архіеп. Харьковскаго“.

²⁾ Еп. Іоанна, „Народное покаяніе“.